

«Я стал Бурляевым раньше, чем встретил Бондарчук»

— Я очень волнуюсь, поэтому заикаюсь сейчас больше обычного. Общение с «демократическими» журналистами в последнее время оборачивается для меня неприятностями.

Тем не менее Бурляев принимает позу манерную — нога на ногу, руки обхватывают колено, спина прямая. В глазах...

Не понять, что у него в глазах. О таком взгляде раньше говорили: «Устремлен в будущее».

— Почему же тогда вы решили дать интервью нашей газете?

— Я вам верю.

Глаза становятся предельно серьезными...

В пятнадцать лет Николай Бурляев уже играл в театре. В театр им. Моссовета он попал, по собственному признанию, «по протекции»:

— Был такой актер Владимир Шурупов. Вместе с ним я участвовал в дипломной работе Кончаловского «Мальчик и голубь». Потом... Потом он сказал мне, что Завальский в театре ставит спектакль «Ленинградский проспект». Шурупов показал меня режиссеру, и меня приняли. Этаким «сыном полка».

— Пятнадцатилетнему школьнику необыкновенно повезло?

— Наверное. Но дело не в везении. То, что я стал актером, и закономерно, и случайно. Я никогда не хотел быть актером. Но актерами были мои дед и бабушка по отцовской линии. Старший брат стал актером.

— У вас удачно складывалась биография. Театр Мос-

совета, «Ленком». Работа в кино с Кончаловским, Андреем Тарковским, Петром Ефимовичем Тодоровским. Ваша жена — Наталия Бондарчук...

— Я сразу же хочу сказать, что родственные отношения с Бондарчуками никак на мне не отразились. Я стал тем, кто я сейчас, еще до того, как встретил в жизни Наталию.

— ...Вы были популярны. Сейчас этого нет. О вас не пишут. Актера Николая Бурляева как бы не существует.

— При нынешнем режиме иначе и быть не может. Много лет назад я встал на путь, который сейчас не моден.

— Это путь...

— Откровенно патристический. Единственно достойный гражданина нашего Отечества

— Можно точнее? С одной стороны, вы — актер. С другой — занимаетесь политикой.

— Политикой я никогда не занимался. Всегда бежал от всех партий. Потому что любая партийность сужает собственные горизонты, подразумевает групповщину. А я с самого детства осознал одно: я — это я. Я всю жизнь ищу гармонию. Мечтаю, чтобы люди жили друг с другом в любви и согласии.

— Но с «нынешним режимом» вы, мягко говоря, несогласны?

— Да. И открыто заявляю об этом.

— Мнение, высказанное публично, уже общественный шаг. И до политики здесь недалеко.

— Я мог бы жить спокойно, имея в своем активе и имя,

и фильмы прекрасные, и премия. Да, сейчас я выпал из обоймы. Да, и общественной деятельностью занимаюсь. Два года назад организовал киноцентр «Русский фильм». С целью содействия национальному кино. Провели фестиваль славянских фильмов «Золотой витязь». Он получился, несмотря ни на что. Хотя в прессе нас разругали. В силу того, что фестиваль славянский, и еще по причине, о которой как-нибудь потом поговорим.

— Что за причина?

— Потом, потом.

— Скажите, поворот во взглядах состоялся после того, как возникли трудности с вашим фильмом «Лермонтов»?

— Так прямолинейно нель-

зя говорить, но... Да. Я делал фильм шесть лет. Его «съели». Потому что он был патристический откровенно.

Критики, и «ангажированные», и те, кто носит звание «независимых», так и не определили свое отношение к бурляевскому «Лермонтову». «Непримиримые» из «Лермонтова» давно уже сделали этакое знамя «нашей» культуры. Однако Бурляеву есть на что обижаться. «Лермонтов» не попал в прокат. По ТВ за семь прошедших лет фильм «крутили» лишь однажды. Чтобы ответить на вопрос «плохо—хорошо?», нужно хотя бы знать, о чем идет речь.

— Если вы не примыкаете ни к какому движению, то кто ваши друзья, единомышленники?

— Их много. Потому что наше дело правое.

— Вы не хотите их называть?

— Пока нет.

— Политические пристрастия сильно сказываются на взаимоотношениях между артистами?

— С теми, с кем я по разные стороны — пока по разные, — мы поддерживаем теплые отношения. Неагрессивные. Потому что мы все люди одной бригады. Естественно, каждый судит друга по-своему. И мне ближе люди, которые не боятся говорить то, что думают.

— То есть те, кто не поддерживает нынешний строй?

— Нет, те, кто говорит то, что думает.

— Что это за люди?

— Говорухин, Гостюхин, Варлей, Аристарх Ливадов, Людмила Зайцева, Жженов,

Ножкин,

— В последнее время вы много снимаетесь.

— Да, сейчас заканчиваю работу у Петра Тодоровского в фильме «Какая чудная игра». Это фильм о молодости Петра Ефимовича, о пятидесятых. У меня там одна из главных ролей. Прекрасно, что она в той же тональности, что и «Военно-полевой роман».

Снимаюсь у Наталии Бондарчук в фильме «Пути благословенных». Играю Рериха.

— Рерих. Перед этим вы сыграли Иешуа в «Мастере и Маргарите». Церковь, с которой вы близко связаны, не любит, когда подобные образы появляются на экране. У вас нет в связи с этим неприятностей?

— Я долго думал, соглашаться ли на предложение сниматься в «Мастере». Соглашался, потом отказывался. Для меня многое значит благословение Церкви. Его не было. Но я знал, что это моя роль.

— Почему вы все-таки пошли против течения?

— В «Мастере» судьбы вершит Воланд. Он — хозяин. Но есть и образ Бога. В фильме Иешуа появляется всего в трех эпизодах, но эти эпизоды дорогого стоят. Я хочу дать бой дьяволу.

— Скажите, может быть, ваши трудности и обиды связаны с тем, что вы не можете себя в этом времени найти?

— Что значит «найти»? Я есть. Сначала был театр. Когда театр стал терять позиции, я понял, что мой путь — кино. И путь не актерский, а режиссерский.

— Вы считаете себя режис-

сером? Почему? У вас ведь только две большие режиссерские работы.

— Как актер я стал известен, когда был кинопрокат. А режиссером стал, когда прокат развалили. На этот период и пришлось «Лермонтов». Поэтому режиссер Бурляев неизвестен. Как и многие новые режиссеры.

— Кто, например?

— Не стоит об этом.

— Вы — жертва рыночных отношений?

— Я жертва глупости. Не стоило голосовать за самокупаемость кинематографа. Я писал об этом.

— Где?

— В «Водном транспорте». После нашумевшего «перестроечного» съезда кинематографистов.

Наверное, людям его поколения постоянно нужно во что-то верить. Слишком много «тихих» потрясений досталось. Сталины, Хрущевы, «оттепели», «заморозки». И вечный (пионерский) энтузиазм, заложенный в детстве. С кем-то постоянно нужно бороться. Иначе не получается. Своеобразное донкихотство конца двадцатого века. А жизнь тем временем течет неумолимо.

Хотя Бурляев с этим не согласится. Скажет: «Был и комсомольцем, и пионером. Но всегда знал, что я — это я».

Когда наш фотокор попросил разрешения сделать снимок, Бурляев опять принял манерную позу и откинул назад голову. Глаза... В глазах было... Что-то типа «Все вперед!»?

Серафим БЕРЕДСТОВ.
Фото Андрея ФИЛАТОВА.